

О.С. Нагорная

другой
военный
юпыт

русские военнопленные
Первой мировой войны
в Германии

(1914–1922)

Москва
НОВЫЙ ХРОНОГРАФ
2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

введение (9)

глава I Военный плен в международной и российской дискуссии (29)

- I.1. Содержание военнопленных на Восточном фронте в фокусе международного права (30)
- I.2. Русские военнопленные в восприятии военных и правительственных органов (36)

позиция дореволюционных ведомств по вопросу военнопленных (36) между стигмой и всепрощением: двойственность политики временного правительства (46)
военнопленные старой армии в планах большевистского правительства (49)

- I.3. Государственные ведомства и организованная общественность России в вопросе помощи военнопленным (53)

«ДЕЛО НАШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НАЧАЛОСЬ С НЕДОРАЗУМЕНИЯ»: ОРГАНИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД (53) ВИЗИТЫ РУССКИХ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ В ГЕРМАНСКИЕ ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ (67) ПОПЫТКИ РЕОРГАНИЗАЦИИ СФЕРЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ ПРИ ВРЕМЕННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ (70) ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОМОЩИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (73)

- I.4. «Борьба за военнопленных равноценна фронтовому сражению»: солдаты и офицеры русской армии в «европейской гражданской войне» (79)

ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ПЛАНАХ ГЕРМАНИИ И СОЮЗНИКОВ (79)
СОВЕТСКАЯ И БЕЛАЯ ДИПЛОМАТИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ (83)

Резюме (96)

глава II Пространство лагерного опыта (99)

- II.1. Морфология лагеря, материальное обеспечение и медицинское обслуживание (99)

КОНСТРУИРОВАНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ ЛАГЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА (101) РАЗМЕЩЕНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ (107)
ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ (112)

- II.2. Дисциплинарные практики в лагерях и рабочих командах (116)
- II.3. Принудительный труд (128)
- II.4. Между патриотическим этосом и тыловой повседневностью: контакты военнопленных с немецким гражданским населением (133)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НА РАБОЧИХ МЕСТАХ **(134)** «ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ АРЕСТА ЗА РУССКУЮ ЛЮБОВЬ»: РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И НЕМЕЦКИЕ ЖЕНЩИНЫ **(141)**

II.5. Немецкая «политика просвещения» национальных меньшинств Российской империи: стереотипы, пропаганда и восприятие **(147)**

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И «ПРОСВЕЩЕНИЕ» НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЛАГЕРЯХ **(149)** ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ РУССКИХ НЕМЦЕВ И ПЛАНЫ РЕПАТРИАЦИИ КОЛОНИСТОВ **(156)** ПРОПАГАНДА СРЕДИ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОЛЬСКОГО, УКРАИНСКОГО И ПРИБАЛТИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ КОЛОНИЗАЦИИ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ **(162)** «ТАТАРСКИЕ» И ГРУЗИНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ: ОТ ПОПЫТОК МОБИЛИЗАЦИИ К ИДЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ **(174)** РЕАКЦИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ АГИТАЦИЮ **(178)**

Резюме **(182)**

глава III «Армия за колючей проволокой» **(185)**

III.1. Лагерная иерархия, товарищество и конфликты **(186)**

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ ГРУППЫ ВНУТРИ ЛАГЕРНОГО СООБЩЕСТВА **(187)** СОЛИДАРНОСТЬ И СТОЛКНОВЕНИЯ **(196)** ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОФИЦЕРАМИ И НИЖНИМИ ЧИНАМИ **(201)**

III.2. Самоорганизация пленных и влияние на нее политических событий в России **(204)**

ЛАГЕРНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ **(204)** ЛАГЕРНЫЙ ДОСУГ **(213)**

III.3. Лагерное сообщество как «однополюсый город» **(219)**

III.4. «Не друзья, но союзники»: взаимоотношения с военнопленными западных стран Антанты **(226)**

Резюме **(235)**

глава IV Переработка переживаний, образцы толкования и поведенческие практики **(237)**

IV.1. Стратегии выживания: адаптация и сопротивление **(237)**

БЕГСТВО ОТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ПАССИВНОЕ И АКТИВНОЕ ПРИСПОСОБЛЕНИЕ **(238)** АКТИВИЗАЦИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ **(249)** ОСОБЕННОСТИ СКЛАДЫВАНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК В ОФИЦЕРСКОЙ СРЕДЕ **(252)**

IV.2. Язык плена: каналы коммуникации и новые речевые формы **(256)**

ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ УСЛОВИЯ ПИСЬМЕННОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ **(257)** ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ МЕЖДУ ЛАГЕРЯМИ **(261)** ЛАГЕРНЫЕ ГАЗЕТЫ **(261)** СЛУХИ **(264)** ЛАГЕРНЫЙ ЖАРГОН **(267)** УРОКИ НЕМЕЦКОГО **(268)** ТАЙНОПИСЬ И ИНОСКАЗАНИЯ **(273)** ВОСПРИЯТИЕ СОВЕТСКОГО НОВОЯЗЫКА **(278)**

IV.3. Официальная и народная религиозность в лагерях **(281)**

ТРУДНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ БОГОСЛУЖЕНИЙ В ЛАГЕРЯХ **(282)** РЕЛИГИОЗНЫЕ МЕНЬШИНСТВА: КАТОЛИКИ, ПРОТЕСТАНТЫ, МУСУЛЬМАНЕ И ИУДЕИ **(287)** «РЕЛИГИОЗНЫЙ ПАТРИОТИЗМ» ПЛЕННЫХ

ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯЩЕННИКОВ (290) ПРАВОСЛАВНОЕ БОЛЬШИНСТВО: РИТУАЛЫ, ПРАЗДНИЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ И МЕДИАЛИЗАЦИЯ ТРАУРА (293) РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА И ОБРАЗЦЫ ТОЛКОВАНИЯ (298)

IV.4. Толкование переживаний плена и политических событий в России (302)

война и плен в восприятии солдат и офицеров (303) политизация пленных и ее влияние на восприятие февральской революции (309) оценка октябрьской революции и брестского мира (318)

VI.5. «Русский народ закончил в этой войне все классы и семинары»: плен как процесс обучения (321) Резюме (330)

глава V Долгая дорога домой: бывшие военнопленные в межвоенном обществе (333)

V.1. «Эвакуация в том виде, в котором она существует, губительна для военнопленных и опасна для государства»: практика репатриации (333)

уроки стихийной миграции (334) эвакуация бывших пленных на территории Сибири (340) советский опыт «политической карантинизации» и агитации среди репатрируемых (343) иллюзии и реальность: первые столкновения прибывших с советской действительностью (349)

V.2. «Своим нытьем ... военнопленные... отравляют нашу жизнь подобно смерти, ворвавшейся в зал пиршества»: социальное обеспечение репатриированных и инвалидов (351)

проблемы институционального и законодательного оформления социальной политики (352) практика денежного возмещения и пенсионного обеспечения (356) медицинское освидетельствование и обеспечение инвалидов (361)

V.3. Интеграция бывших пленных в послевоенные общества (366)

мобилизация в армии гражданской войны и карьера военных (366) трудоустройство и трудмобилизация (377) бывшие военнопленные в условиях эмиграции (380)

V.4. Воспоминания о плене в межвоенной коммуникации (383)

«Всем погибшим... в условиях ужасного германского плена посвящается...»: воспоминания военнопленных и советская политика памяти (384) образ пленных в публицистике эмиграции (390)

Резюме (391)

заключение (395)

список сокращений (400)

источники и литература (401)

иллюстрации (424)

ВВЕДЕНИЕ

В годы Первой мировой войны военный плен впервые превратился в массовое переживание: из 60 млн комбатантов, участвовавших в военных действиях, более 8 млн оказались за колючей проволокой. Полтора миллиона из них составили солдаты и офицеры русской армии, проведенные в германских лагерях военнопленных от нескольких месяцев до восьми лет. Отличительными чертами их опыта плена стали отсутствие поддержки со стороны собственного правительства, организованное дисциплинирование и произвольное насилие со стороны лагерного персонала, принудительный труд на немецких предприятиях, интенсивные контакты с пленными союзниками и мирными жителями, революционная и национально-сепаратистская агитация со стороны немецких ведомств и эмигрантских организаций.

После окончания военных действий военнопленные из бывшей Российской империи превратились в козырную карту в игре противоборствующих сторон (большевиков, контрреволюционных правительств, Германии и стран-участниц Антанты), стремившихся использовать их для достижения собственных целей в военных действиях на территории Центральной и Восточной Европы. Борьба интересов, транспортный коллапс и советско-польская война затянули репатриацию вплоть до 1922 года. В отличие от советских военнопленных Второй мировой войны, попавших после репатриации в сталинские лагеря, пленные Первой мировой воспринимались большевиками как потенциальная опора новой власти и фактор советизации крестьянской среды. Благодаря этому, они получили возможность, по крайней мере, в первые годы после возвращения, активно переосмысливать свои переживания в рамках общественной дискуссии о войне и революции. Одновременно бывшие пленные оказались

единственной социальной группой, имевшей опыт длительного проживания в буржуазном обществе и возможность сравнения его с реалиями диктатуры пролетариата¹. Поэтому за фасадом официальной пропаганды пребывание в заграничных лагерях превратилось в глазах власти в негативный социальный капитал, который сыграл свою роль в судьбе бывших пленных в эпоху террора.

В последние годы история военного плена на Восточном фронте Первой мировой войны привлекает к себе пристальное внимание исследователей. Существующие на сегодняшний день работы подчеркивают многомерность данной темы: массы вражеских солдат в плену и собственных подданных в лагерях противника приобрели для государств-участников весомое военное, экономическое и дипломатическое значение. Обращение к проблематике военного плена позволяет углубить представления о процессах тотализации военных действий, развитии системы международного права, а также об особенностях приспособления воюющих обществ к первой индустриальной войне. При этом наименее изученной остается специфика российского институционального опыта: дискурс военного плена, миграционная и социальная политика сменявших друг друга политических режимов, степень общественной активности и государственного контроля. Еще более маргинальное положение в современной историографии занимает намеченная военной антропологией перспектива «маленького человека»: в большинстве исследований пленные представляются лишь статистической единицей, объектом или безропотной жертвой государственных мероприятий.

Данная работа является попыткой представить лагерное сообщество в качестве действующих исторических субъектов, для которых многолетнее пребывание за колючей проволокой стало своеобразным процессом обучения. Этот процесс понимается здесь в широком смысле как целостность восприятия, переработки и инструментализации нового опыта². В течение всего времени заключе-

1 См.: *Goerke G. Russischer Alltag. Eine Geschichte in neun Zeitbildern vom Fruehmittelalter bis zur Gegenwart. Band 3. Sowjetische Moderne und Umbruch, Zuerich 2005. S. 121–122.*

2 О применении термина «процесс обучения» к анализу структур см.: *Herbert U. Zwangsarbeit als Lernprozess // Archiv für Sozialgeschichte. XXIV. Band. 1984. S. 285–304.* См. также: *Элиас Н. О процессе цивилизации. В 2-х тт. — СПб., 2001.*

ния представители принудительно созданной группы не просто пассивно принимали, но активно перерабатывали действительность через конструирование иерархических структур, поведенческих норм и образцов толкования. Изучение этих процессов даст возможность выявить механизмы приспособления индивида и сообщества к условиям военного плена первой современной войны и конфликту с чужой культурной средой. Это приблизит к ответу на вопрос, в какой степени война становится для человека «фактором эмансипации, обособляющим его от государственной машины и расширяющим пространство личного действия»³. Кроме того, исследование актуализации индивидуальных и групповых переживаний после возвращения на родину и стратегий обращения с ними властных институтов в Советской России позволит включить тему плена в дискуссию последних лет о степени усвоения и использования большевистским правительством опыта официально «забытой» войны⁴. Представляется также, что изучение субъективного и институционального опыта будет способствовать дифференциации устойчивых представлений о военном плене Первой мировой войны в целом и выявлению его принципиальных отличий от других военных конфликтов.

- 3 См.: *Майофис М.* Антропология войны // НЛО. 2008. № 93. С. 177–179; а также: *Нагорная О.С.* «Русский народ закончил в этой войне все классы и семинары»: военный плен Первой мировой как процесс обучения // НЛО. 2008. № 93. С. 196–214.
- 4 См.: *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа в европейском контексте (1914–1921) / Россия и Первая мировая война. — СПб., 1999. С. 83–100; *Никонова О.Ю.* Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война. Война как явление культуры / Под ред. И.В. Нарского, О.Ю.Никоновой. — М., 2000. С. 367–398; *Холквист П.* «Осведомление — это альфа и омега нашей работы». Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Ч. 3. — Самара, 2001. С. 45–93; *Holquist P.* Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921, Cambridge 2002; *Beyrau D.* Der Erste Weltkrieg als Bewaehrungsprobe. Bolschewistische Lernprozesse aus dem «imperialistischen» Krieg // Journal of modern history. 2003. № 1. S. 100–101; *Nikonova O.Ju.* «Der Kult des Heldenmutes ist nötig, um Siege zu erringen...» Sowjetische Militaer und Erfahrungen des Ersten Weltkrieges // *Carl H., Kortum H.-H., Langewiesche D., Lender F. (Hg.)*, Kriegsniederlagen, Erfahrungen und Erinnerungen, Berlin 2004, S. 185–199; *Холквист П.* Россия в эпоху насилия // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И.В. Нарского. С. 461–487.

ИЗУЧЕННОСТЬ ТЕМЫ

Несмотря на второстепенное положение темы плена в историографии, изучение отдельных аспектов этого феномена на Восточном фронте Великой войны имеет достаточно плодотворную историю. Наличие подробных историографических обзоров⁵ позволяет автору ограничиться описанием актуального состояния дискуссии и сохранившихся до сих пор исследовательских лакун.

В ходе войны стремление укрепить моральный дух собственного населения и повлиять на мнение нейтральных стран, измерявших цивилизованность воюющего государства по уровню смертности в лагерях военнопленных, обусловило желание всех сторон занизить или скрыть численность сдавшихся в плен собственных солдат, а также заболевших и умерших военнопленных противника⁶. Несовершенство системы учета российских дореволюционных и советских органов и, как результат, значительная разница в статистических данных о численности попавших в плен и уровне смертности в лагерях породили оживленную дискуссию в отечественной историографии⁷. Гибель же центральных немецких архивов в пожаре 1945 г. превратила неполные данные немецкой военной статистики

5 См.: *Overmanns R.* Ein Silberstreif am Forschungshorizont? Veröffentlichungen zur Geschichte der Kriegsgefangenschaft // *Overmanns R.* (Hg.). In der Hand des Feindes: Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg Koeln, 1999. S. 461–483; *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt am Main, 2005; *Gatrell P.* Prisoners of War on the Eastern Front during World War I // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Volume 6. Number 3 (Summer 2005). P. 557–566.

6 См.: *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. S. 20.

7 См., например: *Каминский Л.С., Новосельский С.А.* Потери в прошлых войнах. — М., 1947; *Урланис Б.И.* История военных потерь: Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). — СПб., 1998; *Степанов А.И.* Цена войны: жертвы и потери // *Мировые войны XX века*. — М., 2002. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. С. 624–644. Использование предварительных данных Статистического отдела Центропланбеж, опубликованных в сборнике «Россия в мировой войне 1914–1918 г. (в цифрах)» как окончательных привело к неточностям в современных исследованиях. Подробнее см.: *Нагорная О.С.* Рецензия на книгу *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Freiburg, 2004 // *Вопросы истории*. 2005. № 9. С. 171–173.

и межвоенной публицистики о количестве совершенных пленными самоубийств, преступлений, побегов и т.п. в единственный ориентир для исследователя⁸.

В период мирового конфликта содержание военнопленных оказалось одним из узловых моментов международных отношений, деятельности благотворительных организаций, а также важным аргументом в дискуссии о виновниках развязывания войны. Устойчивый интерес исследователей к дипломатической истории Великой войны и межвоенного периода обусловил пристальное внимание к вопросам соблюдения международного права, использованию темы плена в целях военной пропаганды и, наконец, к усилиям обществ Красного Креста в деле материальной и духовной поддержки пленных⁹.

Сразу же после окончания войны началось осмысление медицинского опыта, приобретенного на полях сражений, в тыловых госпиталях и за колючей проволокой. Помимо санитарных условий

- 8 В соответствующих разделах данной работы будет особо оговорено происхождение тех или иных цифр и степень их достоверности.
- 9 См.: *Willis E.F.* Herbert Hoover and the Russian prisoners of World War I. A Study in Diplomacy and Relief, 1918–1919. London, 1951; *Энсен Б.* Гуманитарная помощь и политика: миссия Датского КК в России 1918–1919 гг. / Первая мировая война. Пролог XX века. — М., 1990. С. 515–536; *Speed R.B.* Prisoners, Diplomats and the Great War: a Study in the Diplomacy of Captivity. N.Y., 1990; *Энсен Б.* Миссия Датского КК в России, 1918–1919 гг. // ОИ. 1997. № 1. С. 27–41; *Kudrina Ju.* Das Daenische Rote Kreuz in den Jahren des Ersten Weltkrieges // *zeitgeschichte*. 25. 1998. S. 375–379; *Hinz U.* Die deutschen Barbaren sind doch die besseren Menschen. Kriegsgefangenschaft und gefangene Feinde in der Darstellung der deutschen Publizistik 1914–1918 // *Overmans R.* (Hg.) In der Hand des Feindes. Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg. Koeln 1999. S. 336–361; *Overmanns R.* «Hunnen» und «Untermenschen» — deutsche und russisch/sowjetische Kriegsgefangenschaftserfahrungen im Zeitalter der Weltkriege // *Thoss B.* (Hg.) Erster Weltkrieg-Zweiter Weltkrieg. ein Vergleich ; Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland (1914/1945). Paderborn, 2002. S. 335–365; *Hankel G.* Die Leipziger Prozesse. Deutsche Kriegsverbrechen und ihre strafrechtliche Verfolgung nach dem Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2003; *Horne J. Kramer A.* Deutsche Kriegsgreuel 1914. Die umstrittene Wahrheit. Hamburg, 2004; *Hinz U.* Humanitaet im Krieg? Internationales Rotes Kreuz und Kriegsgefangenenhilfe im Ersten Weltkrieg // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 216–236; *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии 1918–1921 гг. — Иваново, 2006; *Абдрашитов Э.Е.* Развитие социального и правового статуса военнопленного в ходе эволюции международного и российского законодательства (с древнейших времен до конца XX в.) — Казань, 2007.

в лагерях и уроков борьбы с эпидемиями¹⁰, изучались психологическое состояние пленных (так называемая «болезнь колючей проволоки»)¹¹ и возможные последствия длительного пребывания в изолированном мужском сообществе¹². Некоторые аспекты данной темы до сих пор привлекают внимание исследователей¹³. Однако для данных работ часто характерна излишняя генерализация выводов, сделанных на материале Второй мировой войны, и отсутствие учета специфики военного плена Первой мировой.

Стремление большевиков использовать демографический и профессиональный потенциал находящихся в лагерях Центральных держав военнопленных царской армии привело к целенаправленному изучению документооборота предшествующих режимов в рамках Комиссии по исследованию опыта мировой войны. Итогом ее работы стала монография Н.М. Жданова¹⁴, опубликованная задолго до того, как в истории плена Первой мировой войны была поставлена

- 10 См.: *Backhaus A. (Hg.) Die Ernaehrung der Kriegsgefangenen im Deutschen Reich. Bericht ueber den Kursus für Verpflegungsoffizierre der Gefangenenlager vom 22–25. Juni 1915 in Berlin.* Berlin, 1916; *Hoffmann F. (Hg.) Hygiene // Handbuch der aertzlichen Erfahrungen im Weltkrieg.*, Bd.7. Leipzig, 1922; *Albrecht G. Die Ernaehrung der Kriegsgefangenen // Hoffmann W. (Hg.) Hygiene. Handbuch der Aertzlichen Erfahrungen im Weltkriege 1914–1918.* Bd.VII. Leipzig, 1922. S. 139–161; Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. — М.-Пгр., 1923. Из современных исследований см.: *Eckart W. (Hg.) Die Medizin und der Erste Weltkrieg.* Pfaffenweiler, 1996; *Leven K.-H. Die Geschichte der Infektionskrankheiten. Von der Antike bis ins 20. Jahrhundert.* Landberg, 1997.
- 11 См.: *Vischer A. Die Stachelrahtkrankheit.* Zuerich, 1918.
- 12 См.: *Beck Chr. Die deutsche Frau und die fremden Kriegsgefangenen.* 2 Bde. Nuernberg, 1919; *Hirschfeld M. Sittengeschichte des Ersten Weltkrieges.* Leipzig, 1929.
- 13 См.: *Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена // Социс.* 1991. № 10; *Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России.* — М., 1999; *Абдраштов Э. О социальной ностальгии российских военнопленных в Первой мировой войне // Социс.* 2006. № 4. С. 131–135.
- 14 *Жданов Н. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг.* — М., б.и. 1920. Основной фактаж и выводы Жданова воспроизводит в своей работе С.Н. Васильева. См.: *Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы первой мировой войны: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук: 07.00.03.* Нижневартовск, 1996; *Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы ПМВ: Учебное пособие к спецкурсу.* — М., 1999.

финальная точка, ставшая на длительное время единственным обобщающим описанием истории российских военнопленных. В дальнейшем, историки стран восточного блока в изучении темы под влиянием марксистской парадигмы сосредоточились на двух аспектах: успех большевистской пропаганды среди военнопленных царской армии¹⁵ и истории так называемых интернационалистов — военнопленных Центральных держав, выступивших после революции на стороне советской власти¹⁶.

К теме немецкой политической агитации в лагерях среди национальных меньшинств Российской империи обращались многие авторы, однако до сегодняшнего дня она не рассматривалась в качес-

- 15 См.: *Zelt J.* Die politische Arbeit unter den russischen Kriegsgefangenen und internierten Rotarmisten in Deutschland waehrend des Ersten Weltkrieges und in der Nachkriegszeit // *Zeitschrift für Militaergeschichte.* 1967. S. 568–584. *Zelt J.* Kriegsgefangene in Deutschland. Neue Forschungsergebnisse zur Geschichte der Russischen Sektion der KPD (1919–1921) // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 15 (1967). H. 4. S. 612–638; *Zelt J.* Die deutsch-sowjetische Beziehungen in den Jahren 1917–1921 und das Problem der Kriegsgefangenen und Internierten // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* 15 (1967). S. 1015–1032; *Мальков А.А.* Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915–1919). Казань, 1971; *Auerbach K.* Die russischen Kriegsgefangenen in Deutschland (von August 1914 bis zum Beginn der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution). Diss. Potsdam, 1973; *Иванов В.Ф.* Деятельность В.И. Ленина, партии большевиков и советского правительства среди русских военнопленных (конец 1914–1922). Автореферат на соискание степени к.и.н. Днепропетровск, 1980. Об использовании вопроса репатриации военнопленных во внешней политике советского правительства см.: *Черноперов В.Л.* Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа в Германии 1918–1921 гг. — Иваново, 2006.
- 16 Критический обзор советской историографии по данному вопросу см.: *Evzerov R.* Die sowjetische Historiographie und die deutschen und oesterreichischen Kriegsgefangenen-Internationalisten // *zeitgeschichte.* 25 (1998). S. 343–347; а также: Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке, 1917–1922 гг.: К истории сов.-венг. интерн. связей. [Сб. статей]. М., 1980; *Цвилюк С.А.* Защищая дело Октября: Зарубежные интернационалисты в Одессе, 1917–1920 гг. Одесса, — 1987; *Копылов В.Р.* Октябрь в Москве и зарубежные интернационалисты. — М., 1988; *Краснов В.Г.* Интернационалисты на фронтах гражданской войны. — М., 1989; и др. В современных исследованиях русской пропаганды в отношении австро-венгерских военнопленных славянского также уделяется пристальное внимание. См.: *Plaschka R.* Avantgarde des Widerstands. Modellfaelle militaerischer Auflehnung im 19. und 20. Jh., 2 Bde. Wien, 2000; *Nachtigal R.* Russland und seine oesterreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen. Reimshalden, 2003; *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel und Osteuropa 1917–1920. Wien, 2003.

тве целостного явления¹⁷. Слабый научный интерес обусловило отсутствие видимых результатов, что традиционно объяснялось дилеммой Центральных держав между заключением мира с Россией и распространением сепаратистских настроений на ее западных территориях, а также приоритетной ролью принудительного труда¹⁸. Опора на выводы Г. Лиулевициуса и современные концепции (пост)колониализма¹⁹ позволяет исследовать немецкую политику на востоке в совсем иной аналитической перспективе и рассмотреть агитацию среди национальных меньшинств Российской империи в лагерях военнопленных как часть немецкого колониального проекта и важный компонент ведения войны.

В устойчивую историографическую традицию, коренящуюся в межвоенном периоде, превратились описания отдельных немец-

- 17 *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. S. 32–42, 128; а также: *Auerbach K.* Die russischen Kriegsgefangenen in Deutschland; *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Ihre Basis in der Orient-Politik und ihre Aktionen 1914–1917. Teil I–II. Wien, 1975; *Hoepp G.* Muslime in der Mark. Als Kriegsgefangene und Internierte in Wuensdorf und Zossen, 1914–1924. Berlin 1997; *Kahleyss M.* Muslime in Brandenburg. Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg, Berlin 1998; *Mitze K.* Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt waehrend des Ersten Weltkrieges. Muenster, 2000; *Hinz U.* Gefangen im Grossen Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland 1914–1921. Essen, 2005.
- 18 См.: *Bihl W.* Die Kaukasus-Politik. Teil I. S. 45; *Remer C.* Der Krieg der Sprache. S. 172; u.a..
- 19 (Пост)колониальные исследования сняли негативную оценку с понятия «колониализм», определив его как общеевропейский культурный феномен Нового времени и аналитическую категорию. Хотя данные работы отрицают прямую связь между колониальным опытом и мировыми войнами XX века, но они подчеркивают ее дискурсивный характер. К примеру, считается, что колониальные представления сыграли решающую роль в формировании конструкции неполноценного другого. См.: *Reinhardt W.* Kleine Geschichte des Kolonialismus. Stuttgart, 1996; *Osterhammel J.* Kolonialismus. Geschichte-Formen-Folgen. Muenchen, 1997; *Grosse P.* Kolonialismus, Eugenik und buergerliche Gesellschaft in Deutschland, 1850–1918. Frankfurt am M., 2000; *Honold A. (Hg.)* Kolonialismus als Kultur. Literatur, Medien, Wissenschaft in der deutschen Gruenderzeit des Fremden. Tuebingen, 2002; *Kundrus B. (Hg.)* Phantasiereiche. Zur Kulturgeschichte des deutschen Kolonialismus. Frankfurt am M., 2003; *Zimmerer J.* Die Geburt des «Ostlandes» aus dem Geiste des Kolonialismus. Die nationalsozialistische Eroberungs- und Beherrschungspolitik in (post)kolonialer Perspektive // Sozial. Geschichte. 2004. H. 1. S. 10–43; Hochgeschwender M. Kolonialkriege als Experimentierstaetten des Vernichtungskrieges? // *Beyrau D. u.a. (Hg.)* Formen des Krieges. Von der Antike bis zur Gegenwart. Tuebingen, 2007. S. 269–290.

ких лагерей военнопленных²⁰. Большинство современных (преимущественно диссертационных или краеведческих) работ отличает сходная постановка вопросов и структура. Тем не менее, некоторым авторам удалось сформулировать обобщающие выводы о системе плена в целом. Так, Р. Кох при описании австрийского лагеря Зигмундхерберг особое внимание уделяет психологии плена, рисуя палитру возможных реакций солдат на пребывание за колючей проволокой²¹. К. Митце, воссоздавшая историю самого крупного немецкого лагеря Ингольштадт, представила в общем виде лагерную организацию и культуру, систему наказаний и взаимоотношения военнопленных с гражданским населением²².

Отмена идеологических предписаний и открытие архивов в 1990-х гг. повлекли за собой всплеск интереса к замалчивавшейся истории советских военнопленных Второй мировой войны²³. Многочисленные интервью оставшихся в живых, научные публикации

- 20 См.: *Frendt A.* Das Kriegsgefangenenlager Puchheim. Muenchen, 1922; *Rueckert O.* Zur Geschichte des Kriegsgefangenenlagers in Cottbus // Geschichte und Gegenwart des Bezirkes Cottbus. 11 (1977). S. 23–48; *Felner F.* Die Stadt in der Stadt. Das Kriegsgefangenenlager in Freistadt 1914–1918 // Oberoesterreichische Heimatblaetter. 1989. S. 3–32; Peter A. Das „Russenslager“ in Guben. Potsdam, 1998; *Otte K.* Lager Soltau. Das Kriegsgefangenen- und Internierungslager des Ersten Weltkrieges. Geschichte und Geschichten. Soltau, 1999.
- 21 *Koch R.* Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg. Dissertation. Wien, 1980; *Koch R.* Im Hinterhof des Krieges. Das Kriegsgefangenenlager Sigmundsherberg. Horn, 2002.
- 22 *Mitze K.* Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt waehrend des Ersten Weltkrieges. Muenster, 1999. Истории этого же лагеря через судьбу его знаменитых заключенных (М.Тухачевского и Ш. де Голля) посвящены публицистические работы Г.Треффера. См.: *Treffler G.* Zur Ingolstaedter Zeit des Sowjetmarschalls M.N.Tuchatschewski // Sammelblatt des Historischen Vereins Ingolstadt. 1980. S. 241–254; *Treffler G.* Die ehrenwerten Ausbrecher. Das Kriegsgefangenenlager Ingolstadt im Ersten Weltkrieg. Regensburg, 1990.
- 23 Выборочно см.: Трагедия войны — трагедия плена: Серия: В 2 кн. — М., 1999; Чтобы выжить = Um zu Ueberleben!: Творчество военнопленных, 1942–1950: [Альбом] / Сост. Кузмичева И.П. — М., 2000; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. — М., 2002; *Соколов Б.Н.* В плену и на Родине. СПб., 2004; *Шнеер А.* Плен: советские военнопленные в Германии, 1941–1945. — М.; Иерусалим, 2005; *Ерин М.Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии, 1941–1945 гг.: проблемы исследования. Ярославль, 2005; Непобедимая сила слабых: Концентрационный лагерь Равенсбрюк в памяти и судьбе бывших заключенных: сборник статей, воспоминаний и интервью. Воронеж, 2008; и др.

и выставки оттеснили тему пленных солдат и офицеров царской армии в немецких лагерях на второй план. В этот период тема российских военнопленных частично затрагивалась в трудах по миграционной политике советского государства. Однако здесь перспектива центральных государственных учреждений заслонила как ситуацию на местах, так и субъективные переживания. К примеру, весьма противоречивыми выглядят выводы Ю. Фельштинского об установлении большевиками «тотального контроля» над переходом границы уже в декабре 1917 г., а также тезисы И. Щерова об успешности большевистской эвакуационной и мобилизационной политики²⁴. В преобладающе институциональном ракурсе одной из первых попыток взглянуть на военнопленных Первой мировой войны сквозь призму культурно-исторического подхода стали статьи Е. Сергеева о влиянии плена на менталитет российских солдат и офицеров в плену²⁵ и Б. Колоницкого о немецкой политической пропаганде в лагерях посредством газеты «Русский вестник»²⁶.

- 24 См.: *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. — М., 1991. С. 5–6; *Щеров И.П.* Миграционная политика в России, 1914–1922. — Смоленск, 2000; *Щеров И.П.* Смоленский пленбеж: создание и деятельность. — Смоленск, 2000; *Щеров И.П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. — Смоленск, 2000. Подробнее о пропасти между декларациями политических институтов и их реализацией на местах см. гл. V.
- 25 См.: *Сергеев Е.Ю.* Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // ННИ. 1996. № 4. С. 65–78; *Sergeev E.* Kriegsgefangenschaft aus russischer Sicht. Russische Kriegsgefangene in Deutschland und Habsburger Reich (1914–1918) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 1997. S. 113–134; *Sergeev E.* Kriegsgefangenschaft und Mentalitäten. Zur Haltungsaenderung russischer Offiziere und Mannschaftsangehöriger in der oesterreichisch-ungarischen und deutschen Gefangenschaft // Zeitgeschichte. 1998. S. 357–365. В полемику с Сергеевым по вопросу результативности немецкой «промывки мозгов» вступает Р.Нахтигаль, утверждающий, что повальная безграмотность российских солдат не позволила пропаганде достичь должного эффекта. См.: *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. S. 17.
- 26 См.: *Колоницкий Б.* Берлинская газета «Русский вестник» (1915–1919 гг.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. научн. трудов. Отв. ред. И.И. Фролова. — СПб., 1996. С. 132–143; *Колоницкий Б.* Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914 — начало 1915 г.) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли / Под ред. Б.В. Ананьича. — СПб., 1997. С. 197–216; *Колоницкий Б.*

Стремление ответить на вопрос о континуитете мировых войн вызвало исследовательский интерес к немецкой системе принудительного труда в годы Первой мировой войны. Исследования У. Герберта, Й. Ольтмера, И. Ленцен, К. Раве подробно освещают аспекты привлечения военнопленных к работе на немецких сельскохозяйственных и промышленных предприятиях²⁷. Отсутствие источников не позволило авторам столь же детально представить историю принудительного труда в прифронтовой зоне и на оккупированных территориях. За кадром в данных описаниях политики немецких военных и гражданских органов остались реакции самих военнопленных на принудительное погружение в чужую производственную среду.

Черты преемственности и дисконтинуитета двух конфликтов исследователи пытаются выявить и в самом феномене концлагеря. А. Рахамимов в своей работе отрицает справедливость т.н. «тезиса о прототипе» — утверждения о решающей роли лагерей Первой мировой войны как предшественников ГУЛага и немецких лагерей уничтожения²⁸. Р.Нахтигаль видит принципиальную разницу лаге-

Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. — СПб., 1999. С. 271–287.

- 27 См.: *Oltmer J.* Baeuerliche Oekonomie und Arbeitskraeftepolitik im Ersten Weltkrieg. Beschaeftigungstruktur, Arbeitsverhaeltnisse und Rekrutierung von Ersatzarbeitskraeften in der Landwirtschaft des Emslandes 1914–1918. Soegel, 1995; *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918) // ВИ. 1998. № 4. С. 129–137; *Oltmer J.* Arbeitzwang und Zwangsarbeit, Kriegsgefangene und auslaendische Zivilarbeiter im Ersten Weltkrieg // *Spilker R.* (Hg.) Der Tod als Maschinist, Der industrialisierte Krieg 1914–1918. Katalog zur Ausstellung des Museums Industriekultur in Osnabrueck. Osnabrueck, 1998. S. 96–97; *Herbert U.* Geschichte der Auslaenderpolitik in Deutschland 1880–1980. Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter. Bonn, 2003; *Hinz U.* Gefangen im GroeЯen Krieg; *Rawe K.* Kriegsgefangene, Freiwillige und Deportierte. Auslaender Beschaeftigung im Ruhrbergbau waehrend des Ersten Weltkrieges // *Tenfelde K., Seidel H-Chr.* (Hg.) Zwangsarbeit im Bergwerk. Der Arbeitseinsatz im Kohlenbergbau der Deutschen Reiches und der besetzten Gebiete im Ersten und Zweiten Weltkrieg. Essen, 2005. Bd.1. S. 35–61; *Rawe K.* «... wir werden sie schon zur Arbeit bringen!». Auslaenderbeschaeftigung und Zwangsarbeit im Ruhrkohlenbergbau waehrend des Ersten Weltkrieges. Essen, 2005; *Oltmer J.* Unentbehrliche Arbeitskraefte. Kriegsgefangene in Deutschland 1914–1918 // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 67–96.
- 28 *Rachamimow A.* POWs and the Great War. Captivity on the Eastern Front. Oxford, 2004. P. 78–86.

рей периода мировых войн в отсутствии в годы Первой мировой войны государственной политики массового истребления заключенных лагерей. В качестве связующего элемента немецкий исследователь определяет опыт борьбы с массовыми эпидемиями: дезинфекционные камеры, которые в Первую мировую войну использовались для уничтожения насекомых, переносящих тиф, в 30-х гг. XX в. трансформировались в газовые камеры с использованием Циклона-Б²⁹.

Актуальные дебаты вокруг концепции С. Ферстера, объединившего войны периода 1861–1945 гг. тенденцией «тотализации военных действий»³⁰, поставили перед изучением феномена плена новые вопросы. В наиболее полном из существующих на сегодняшний день описании немецкой системы военного плена периода Первой мировой войны У.Хинц попыталась выяснить, представляли ли германские лагеря одну из тенденций «тотальной войны». На примере трех наиболее показательных составляющих немецкого военного плена (системе наказаний, проблеме питания и принудительного труда) Хинц пришла к выводу, что Первая мировая, хотя и была определенной цезурой в развитии концепта «тотальной войны», но в подсистеме военного плена не довела идеологическую тотализацию до практического воплощения. В работе детально описываются немецкая рецепция международного права, особенности пропаганды, фазы развития лагерной организации, система принудительного труда. Однако использование автором архивов только XIII Вюртембергского армейского корпуса (А.К.) и отсутствие опоры на русскоязычные источники привели к явной концентрации на специфике Западного фронта. Попытка реконструировать особенности содержания российских военнопленных основывается лишь на письмах и воспоминаниях французов и англичан.

29 *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront. S. 90, 137–138.

30 См.: *Ферстер С.* Тотальная война: концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. / Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы международного интернет-семинара. — М., 2005. С. 11–29; а также: *Boemeke M. F., Chickering R., Foerster S. (Ed.)*. Anticipating Civil War. The German and American Experiences 1871–1914. Cambridge, 1999; *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа в европейском контексте (1914–1921) / Россия и Первая мировая война. — СПб., 1999. С. 83–100; *Foerster S. (Hg.)*. An der Schwelle zum Totalen Krieg. Die militaerische Debatte ueber den Krieg der Zukunft 1919–1939. Padeborn, 2002.

Современное состояние исследований военного плена Первой мировой войны отражает сборник Й. Ольтмера, в который вошли статьи активно работающих над темой западноевропейских историков³¹. Освещая аспекты международного права и принудительного труда, особенностей систем плена в разных странах, вопросы репатриации и российской пропаганды среди военнопленных Австро-Венгрии, издание отражает исследовательский дефицит в отношении российских военнопленных в Германии.

Необходимость выявления специфики опыта военнопленных русской армии в контексте Восточного фронта обусловила обращение автора данной работы к существующим исследованиям по истории других стран или национальных групп. Несмотря на разницу в постановке вопросов и выбор методологических подходов, монография В. Мориц³², посвященная австрийской системе лагерей, дает возможность обозначить отличительные особенности немецкого плена и более выпукло представить переработку субъективных переживаний бывших пленных в условиях Советской России. Материал для сравнения предлагает также монография А. Рахамимова, детально изучившего корреспонденцию австро-венгерских военнопленных из России на предмет выражения ими национальных убеждений, а также стремление вернувшихся сделать мемуары о русском плене неотъемлемой частью коллективной памяти о Великой войне³³. Работы Р. Нахтигаль и Г. Вурцера³⁴, описывающие соответственно дипломатические отношения на Восточном фронте и содержание немецких офицеров в России, резюмируют ограниченный характер перехода традиционных монархий к первой индустриальной войне и позволяют проверить правомерность этого вывода в контексте содержания российских военнопленных в Герма-

31 *Oltmer J. (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs.*

32 *Moritz V. Zwischen Nutzung und Bedrohung. Die russischen Kriegsgefangenen in Osterreich-Ungarn (1914-1921).* Bonn, 2005.

33 *Rachamimow A. POWs and the Great War.* P. 221-228.

34 См.: *Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmaechte in Russland im Ersten Weltkrieg.* Gottingen, 2005; Нахтигаль Р. Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915-1917 гг. // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И.В. Нарского. — Челябинск, 2007. С. 83-94.

нии. Английским, французским и немецким лагерным газетам посвящена монография Р. Пепинхеге³⁵. Автор классифицировал пять целей выпуска самодельных изданий (сплочение сообщества, повышение настроения, укрепление национальной идентичности, создание позитивного образа пленных на родине, фиксация лагерной жизни для послевоенного времени) и три типа названий (сатирические, обыгрывающие лагерную действительность или, напротив, довоенную гражданскую жизнь). На основе социологического анализа газет Пепинхеге выделил две фазы группообразования в лагерях: «интегративную», длившуюся полгода и приведшую к складыванию формальных групп и коллективного сознания, а также «формационную», в ходе которой образовывалась система социальных структур в соответствии с различными интересами.

Методологическими ориентирами для этой работы стали многолетняя публикация комиссии Е. Машке по истории немецких военнопленных Второй мировой войны³⁶, а также статья Г. Дэвиса о Красноярском лагере Первой мировой войны как социальном сообществе³⁷.

Пристальное внимание современных исследователей к социальной истории и «маленькому человеку» привело к активизации изучения послевоенных обществ и проблемы возвращения бывших комбатантов к мирной жизни³⁸. Исследователи, анализирующие по-

35 *Poepinhege R.* Im Lager unbesiegt. Deutsche, englische und französische Kriegsgefangenen-Zeitungen im Ersten Weltkrieg. Essen, 2006.

36 См., например: Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. Eine Untersuchung der zwischenmenschlichen Beziehungen in den Kriegsgefangenenlagern. Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd.2. Munchen 1967.

37 *Davis G. H.* Prisoner of War Camps as Social Communities: Krasnoyarsk 1914–1921 // Eastern European Quarterly 21. 1987. P. 147–163.

38 См., например: *Kienitz S.* Der Krieg der Invaliden. Koerperbilder und Maennlichkeitskonstruktionen nach dem Ersten Weltkrieg // *Hagemann K.* (Hg.) Nach-Kriegs-Helden. Soziale und kulturelle DeMobilisierung in deutschen Nachkriegszeiten / Militaergeschichtliche Zeitschrift 60. 2001. Heft 2. S. 367–402; *Kienitz S.* «Als Helden gefeiert — als Krueppel vergessen». Kriegsinvaliden im Ersten Weltkrieg und in der Weimarer Republik // *Beyrau D.* (Hg.) Der Krieg in nationalen und religioesen Deutungen der Neuzeit. Tuebingen 2001, S. 217–237; *Фузелер Б.* Развитие государственной помощи инвалидам в России от поздней Российской империи до сталинской «революции сверху» // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И.В. Нарского. — Челябинск, 2007. С. 49–64.

ложение ветеранов и инвалидов по окончании мировых войн, приходят к выводу, что и в победивших, и в проигравших странах увечные, как правило, исключались из официальной дискуссии и воспринимались как болезненно-досадное напоминание о негативной стороне произошедших событий. Реинтеграции французских и немецких военнопленных в послевоенное общество посвящены статьи О. Аббала и Р. Пепихеге³⁹. В обеих странах позиция правительства и общественности по отношению к бывшим заключенным лагерей была, по меньшей мере, недоверчивой. В победившей Франции военнопленные не были причислены к группе ветеранов войны, имевших права на социальное обеспечение, а их индивидуальные переживания заняли в общественной дискуссии маргинальное положение, так как не вписывались в победоносный опыт нации. В проигравшей Германии, несмотря на читательский успех мемуаров бывших военнопленных и активную деятельность различных обществ, они воспринимались как балласт для истощенной государственной казны.

Иная ситуация сложилась в новообразованных государствах Восточной Европы. Новейшие исследования Н. Штегманн и Ю. Айхенберг⁴⁰ о положении ветеранов и жертв Первой мировой войны в Чехословакии и Польше подчеркивают решающее значение дискуссии о социальном обеспечении данных категорий для легитимации новообразованных государств. В странах, где завершившийся мировой конфликт стал мифом основания государства, носители военного опыта стали не только пропагандистским знаменем, но и критическим мерилom политической состоятельности нового режима.

39 См.: *Poeppinhege R.* Kriegsteilnehmer zweiter Klasse? Die Reichsvereinigung ehemaliger Kriegsgefangener, 1919–1933 // *Militaergeschichtliche Mitteilungen*. 64 (2005). S. 391–423; *Abbal O.* Die francoesische Gesellschaft der Zwischenkriegszeit und die ehemaligen Kriegsgefangenen // *Oltmer J.* (Hg.) *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. S. 295–308.

40 См.: *Stegmann N.* Kriegsdeutungen-Staatsgruendungen-Sozialpolitik. Der Helden- und Opferdiskurs in der Tschechoslowakei, 1918–1948. (im Druck); *Eichenberg J.* Stiefsohne des Vaterlands. Die polnischen Veteranen des Ersten Weltkrieges und die Debatte um ihre Versorgung // *Nordostarchiv*. Band XVII. Lueneburg, 2009. S. 176–195; *Eichenberg J.* Soeldner der Besatzer oder Helden des Unabhaengigkeitskampfes? Die Debatte um die polnischen Veteranen des Ersten Weltkrieges // *Stegmann N.* (Hg.) *Die Weltkriege als symbolische Bezugspunkte. Polen, die Tschechoslowakei und Deutschland nach dem Ersten und nach dem Zweiten Weltkrieg*. Prag, 2009. S. 147–168.

Одной из центральных тем в современных исследованиях невоенных аспектов Первой мировой войны является вопрос об усвоении и использовании властью и обществом военного опыта в качестве модели контроля и дисциплинирования отдельных групп и социума в целом, в том числе путем цензуры переживаний и воспоминаний о войне⁴¹. Многочисленные публикации об особенностях формирования коллективной памяти⁴² составили методологическую опору для исследования переработки переживаний плена в публичной дискуссии Советской России и эмиграции.

В основу концепции данного исследования легло предложенное теоретиками социологии знания понятие опыта, которое, по мнению К. Латцеля, «...точнее и ...объемнее, чем применявшиеся до сих пор теории повседневности или менталитета, позволяет выразить „субъективное“ измерение военной истории и структурировать его исследование»⁴³. Так, Р. Козеллек, обосновавший взаимодополняемость понятий «пространство опыта» и «горизонт ожиданий», подразумевает под опытом «настоящее прошедшее ..., включающее в себя как рациональную переработку, так и бессознательные способы поведения»⁴⁴. К. Латцель определяет опыт как «удавшуюся ин-

41 См.: *Reimann A.* Der grosse Krieg der Sprachen. Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkrieges. Essen, 2000; *Lipp A.* Meinungslenkung im Krieg. Kriegserfahrungen deutscher Soldaten und ihre Deutung 1914–1918. Goettingen, 2003.

42 См.: *Assmann A., Harth D.* (Hg.). Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung. Frankfurt am Main 1991; *Cavalli A.* Gedaechtnis und Identitaet. Wie das Gedaechtnis nach katastrophalen Ereignissen rekonstruiert wird // *Mueller K., Ruesen J.* (Hg.) Historische Sinnbildung. Hamburg, 1997. S. 454–470; *Ricceur P.* Gedaechtnis - Vergessen — Geschichte // *Mueller K., Ruesen J.* (Hg.) Historische Sinnbildung. Hamburg, 1997. S. 433–453; *Kobylinska A.* (Hg.) Erinnern, vergessen, verdraengen. Polnische und deutsche Erfahrungen. Wiesbaden 1998; *Assmann A.* Erinnerungsraeume. Munchen, 1999; Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии / Сборник статей под ред. И.В. Нарского и др. — Челябинск, 2004.

43 *Latzel K.* Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. Theoretische und methodische Ueberlegungen zur erfahrungsgeschichtlichen Untersuchung von Feldpostbriefen // *Militaergeschichtliche Mitteilungen.* 56 (1997), S. 11. Подробнее к понятию опыта в рамках «социологии знания». См.: *Бергер П., Лукманн Т.* Социальное конструирование действительности. — М., 1995.

44 *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt., М., 1989. S. 354.

терпретацию пассивных и активных переживаний» отдельного сообщества (Erlebnisgemeinschaft)⁴⁵. Наконец, Н. Бушманн и Х. Карл дефинируют опыт как перманентный процесс переработки, объединяющий в себе восприятие, толкование и действие. Соответственно, государственные и общественные институты и господствующие в них толкования рассматриваются ими как усвоенный опыт⁴⁶. Исследователи едины во мнении, что «опыт образует своеобразное место среза между индивидуумом и обществом»⁴⁷ и именно здесь «находит свое выражение диалектическое соотношение между действием и социальной структурой, между субъективными и объективными факторами человеческой действительности»⁴⁸.

Несмотря на решающее значение категории опыта для концепции данного исследования, работа опирается на широкий комплекс методов и объединяет в себе три тематических поля:

- 1) пространство опыта плена и факторы его формирования (международное право и межгосударственные отношения по вопросам плена, российская дискуссия о войне и плене, «горизонт ожиданий» солдат и офицеров, позиция российских/советских политических и военных органов, условия пребывания пленных в лагерях);
- 2) непосредственное переживание опыта плена (формирование «сообщества переживаний», восприятие и толкование плена, выработка поведенческих моделей);
- 3) индивидуальная и институциональная переработка опыта (обсуждение переживаний и формирование памяти, складывание новых структур и институтов).

Разумеется, граница между этими полями весьма подвижна и проницаема для «путешествующих» сюжетов.

45 *Latzel K. Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. S. 14.*

46 *Buschmann N., Carl H. Zugaenge zur Erfahrungsgeschichte des Krieges. Forschung, Theorie, Fragestellung // Die Erfahrung des Krieges: Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Franzoesische Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg. Paderborn, 2001 S. 17. Применительно к российскому материалу. См.: Нарский И.В. «Я как стал среди войны жить, так и стала мне война, что дом родной...» Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И.В. Нарского и др. — Челябинск, 2007. С. 488–502.*

47 *Latzel K. Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. S. 16.*

48 *Buschmann N., Carl H. Zugaenge zur Erfahrungsgeschichte des Krieges. S. 17.*

ИСТОЧНИКИ

Проблематика монографии предполагает привлечение к анализу обширного комплекса как российских, так и немецких источников: от официальных предписаний и внутриведомственной переписки до фотографий и эго-документов. В российских архивах и библиотеках сохранились фонды государственных учреждений и общественных организаций, работавших с военнопленными, коллекции писем пленных к родным и их обращений в соответствующие инстанции, а также опубликованные и неопубликованные воспоминания. Последние представляют собой чрезвычайно субъективный материал, так как политические условия в Советской России и в эмиграции помешали широкой и плюралистической циркуляции конкурирующих толкований. Поэтому опубликованные мемуары используются в данной работе не столько для реконструкции реальных переживаний и опыта плена, сколько для исследования процессов унификации памяти о нем.

Благодаря федеральной военной и архивной организации Германской империи и Веймарской республики существует возможность частично восполнить потерю центральных актов Первой мировой войны в потсдамском пожаре 1945 г. Материалы земельных архивов Саксонии, Баварии и Вюртемберга содержат распоряжения Прусского военного министерства (далее — ПВМ)⁴⁹, текущую переписку и финальные отчеты местных ведомств и лагерных комендатур, письма, прошения самих пленных, результаты их подробных опросов, лагерные газеты. Максимально широкий спектр источников позволяет компенсировать пропагандистский характер военной публицистики. Тем не менее, серьезную проблему представляет уже упомянутое отсутствие полных и детализированных статистических данных.

Перед любым исследованием, выбирающим в качестве изучаемого предмета переживания и опыт значительной группы исторических актеров, встает проблема репрезентативности привлекаемых источников и правомерности генерализации выводов. В этой связи автор ориентируется на негласную конвенцию, сложившуюся в рам-

49 В отсутствие имперского военного министерства в Германии Департамент размещения Прусского военного министерства координировал деятельность федерально организованных ведомств по работе с военнопленными противника.

ках направления «устной истории», согласно которой при невозможности статистически значимых обобщений исследование должно стремиться к выводам, репрезентативным, по меньшей мере, для корпуса привлеченных источников⁵⁰.

Разнонациональный характер источников определил приведенные в работе датировки. Дабы не затруднять читателю восприятие материала, даты событий, происходивших на территории России до 1 (14) февраля 1918 г., даны в соответствии с принятым в тот период юлианским календарем, события на территории Германии и в Советской России — в соответствии с грегорианским.

БЛАГОДАРНОСТЬ

В своем завершенном виде эта книга обязана своим появлением многим людям и учреждениям.

Любезное согласие профессора Г. Альтрихтера поддержать заявку в фонде Герды Хенкель, позволило начать работу над проектом. Без финансовой поддержки этой организации, а также Немецкого исследовательского общества и Российского гуманитарного научного фонда оказались бы невозможны многолетние архивные исследования и публикация монографии.

Содействие в доступе к архивным документам оказывали сотрудники ГАРФ, РГВИА (особенно Ю. Киреева и М. Некшин), РГВА, ОГАЧО (особенно Е. Калинкина), отделов Бундесархива в Берлине, Фрайбурге и Кобленце, Саксонского, Баварского, Вюртембергского архивов и Секретного государственного архива прусского культурного наследия.

Критика и интересные предложения участников коллоквиумов при кафедрах и институтах восточноевропейской истории университетов Базеля, Берлина, Дюссельдорфа, Фрайбурга, Германского исторического института в Москве, проекта «Военный опыт» (SFB 437) Тюбингенского университета, а также дискуссионтов международного интернет-семинара по восточноевропейской истории (Базель-Челябинск) способствовали кристаллизации гипотезы и упорядочению материала.

50 См.: *Latzel K. Vom Kriegserlebnis zur Kriegserfahrung. S. 25–26.*

Я признательна Ю. Айхенберг, Д. Сухину, М. Шеер, Н. Штегманн, предоставившим мне свои опубликованные и неопубликованные работы, К. Тайхману и И. Купцову, обратившим мое внимание на важные источники, а также К. фон Линген за консультации по теме Второй мировой войны.

Я благодарю моих коллег по Центру культурно-исторических исследований ЮУрГУ И.В. Нарского, О.Ю. Никонову и Ю.Ю. Хмелевскую, общение с которыми, а также участие в совместных проектах стимулировало расширение исследовательского кругозора и пополнение методологического багажа. Особое спасибо Игорю Владимировичу Нарскому и Юлии Юрьевне Хмелевской, взявшим на себя нелегкий труд прочтения и правки манускрипта.

Своеобразным соавтором исследования я могла бы назвать профессора Дитриха Байрау, неустанное внимание, рекомендации и советы которого позволили книге состояться.

Книга посвящается самым постоянным и терпеливым читателям — моим родителям и моей сестре.

глава I Военный плен в международной и российской дискуссии

В ходе Первой мировой войны военный плен превратился в особую сферу международных отношений и в один из узловых пунктов внутригосударственной дискуссии о войне. Различные аспекты содержания солдат и офицеров противника долгое время оставались важной основой для контактов враждующих сторон, нейтральных стран и негосударственных организаций. Именно в этой области были выявлены излишняя размытость созданных до войны норм международного права и узость поля деятельности благотворительных учреждений. Многочисленные нарушения подписанных соглашений всеми сторонами и попытки совершенствования правоприменительной практики во многом определили развитие международных отношений в межвоенный период.

Образ пленных стал излюбленным объектом пропаганды воюющих стран. На международной арене он превратился в одно из средств саморепрезентации нации и поддержания имиджа цивилизованного государства через обвинения противника в варварстве. Во «внутренней» дискуссии тематизация страданий пленных использовалась для ужесточения представлений о враге и дисциплинирования населения на фронте и в тылу.

1.1. СОДЕРЖАНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В ФОКУСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Возникшая во второй половине XIX в. тенденция к разрастанию масштабов войны и росту ожесточенности сражающихся сторон породила стремление международной общественности и благотворительных организаций предпринять определенные шаги к ее ограничению и хотя бы частичной гуманизации военных действий. Важнейшей фазой в формировании и кодификации международного права и институционального оформления негосударственных благотворительных организаций стал период с 1860 по 1910 гг¹. Навысшим их достижением стало подписание ведущими державами в 1907 году второй Гаагской конвенции, содержавшей особую главу «О военнопленных»². Статья 4-я, открывавшая соответствующий раздел документа, впервые зафиксировала центральный постулат о гуманном обращении с безоружными солдатами и офицерами противника. Конвенция предполагала предоставление военнопленным условий содержания и обеспечения, стандартных для армии пленившего их государства (ст. 7). Согласно статье 15-й, в места содержания военнопленных получили доступ уполномоченные благотворительных обществ, деятельность которых должна была поддерживаться воюющими сторонами «в пределах, обусловленных военными требованиями и административными порядками». Письма и посылки заключенных освобождались от всех сборов (ст. 16), особое внимание уделялось свободе религиозных отправлений (ст. 18). Возвращение пленных на родину после окончания конфликта предполагалось в «возможно короткие сроки» (ст. 20). Примечательно, что документ

1 *Hinz U.* Humanitaet im Krieg? Internationales Rotes Kreuz und Kriegsgefangenenhilfe im Ersten Weltkrieg // *Oltmer J.* (Hg.) Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs. Padeborn, 2006. S. 219. О столкновении либеральной и радикальной традиций в развитии международного права по отношению к военнопленным см. также: *Speed R. B.* Prisoners, Diplomats and the Great War: a Study in the Diplomacy and Captivity. N.Y., 1990. P. 5.

2 Текст документа опубликован на сайте <http://www.memo.ru/prawo/hum/haag 07-1.htm>

разрешал использование солдат на работах в пользу пленившего государства, если они «не слишком обременительны» и не имеют «никакого отношения к военным действиям». Заработанные при этом средства должны были тратиться на улучшение положения пленных, а после освобождения и вычета расходов на содержание остаток подлежал выдаче им на руки (ст. 6).

Часть статей особо определяла принципы содержания пленных офицеров. Опираясь на традиции предыдущих войн, Конвенция предполагала досрочное освобождение высших чинов из плена под честное слово, если это соответствовало местным законам. В этом случае собственное правительство не имело права требовать от них совершения действий, противоречащих данной клятве. При нарушении честного слова и повторном пленении офицер терял право на обращение с ним как с военнопленным и мог подвергнуться судебному преследованию (ст. 10–12). В отличие от солдат, офицеры не могли привлекаться к физическому труду. Статья 17 предписывала выплату соответствующего чину содержания. Предполагалось, что по окончании войны стороны проведут взаимные расчеты за содержание военнопленных.

В 1914 г., на момент начала военных действий, все государства были уверены в неукоснительном соблюдении противником положений нового международного права. Однако формулировки Конвенции не затронули принципа государственного суверенитета, поэтому были обречены стать жертвой дилеммы «гуманизм vs. утилитаризм», так и не превратившись в незыблемые нормы³. В Германии, к примеру, рецепция Гагской конвенции была привязана к смутному определению «военной необходимости», что приводило попытки соблюдения международного права к неизбежной коррекции, особенно в сфере обеспечения и принудительного труда. В целом же в ходе войны во всех странах-участницах фиксировались многочисленные нарушения установленных соглашений, в том числе и в отношении военнопленных.

Несоответствие условий содержания санитарным нормам, голод, эпидемии и высокая смертность в лагерях стали причиной интенсивной международной дискуссии и активизации деятельности нейтральных стран и международных организаций, что в свою оче-

3 См.: *Hinz U. Gefangen. S. 70.*

редь способствовало подписанию новых договоренностей между воюющими государствами. Для Западного фронта Первой мировой войны было характерно расширение рамок действия довоенного международного права. Франция и Англия, с одной стороны, и Германия — с другой, заключили более 10 пространных соглашений об обмене инвалидами и больными, интернировании определенных категорий пленных в Швейцарии, возвращении медперсонала, отмене судебных наказаний для военнопленных и т.д.⁴ Центральные державы, обеспокоенные слухами о высокой смертности среди своих подданных в лагерях Сибири и Туркестана, через дипломатические представительства нейтральных государств направляли подобные предложения России. Однако позиция русских военных органов не позволила реализовать практику Западного фронта на Восточном.

Первоначально русская сторона отклонила даже предложение папы Бенедикта XV, направленного всем воюющим государствам с призывом на основе взаимности освободить из плена инвалидов⁵. Если обмен больными между Германией и Францией состоялся уже в марте 1915 г., то затянувшиеся переговоры с Россией задержали отправку первой партии до июля 1915 г.⁶ Гуманитарные по своей сути мероприятия рассматривались русским военным командованием как выражение государственного интереса и расценивались успешными только в том случае, если «нами получено больше, чем отправлено»⁷. Так же формально представители власти подходили к возможности облегчить участь пленных врачей в рамках установлений Женевской конвенции 1906 г. На запросы из лагерей о выдаче необходимых удостоверений чиновники ограничивались отписками и ссылками на невозможность подтвердить факт принадлежности к санитарному персоналу после утери канцелярии полка⁸.

4 См.: *Scheidt F.* Die Kriegsgefangenschaft. Von den aeltesten Zeiten bis zur Gegenwart. Berlin, 1943; а также: *Speed R B.* Prisoners, Diplomats and the Great War. P. 31–42.

5 *Moritz V.* Zwischen Nutzung und Bedrohung. S. 145, 147.

6 *Mitze K.* Kriegsgefangenenlager Ingolstadt. S. 330. Автор упоминает также приостановку отправки с 7.11.1916 по апрель 1916 г., правда, не объясняя причин.

7 РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 547, л. 136. Отчет о деятельности комиссии по наблюдению за эвакуацией инвалидов, 1916 г.

8 См.: РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 553, л. 16, Отдел военнопленных МИД, май 1917.

В ходе войны общества Красного Креста воюющих стран на волне патриотического подъема превратились в орудия пропаганды, поэтому их гуманитарные устремления часто попадали в зависимость от военной и политической конъюнктуры. Все же при посредничестве Международного комитета Красного Креста (далее — МККК) и нейтральных стран удалось организовать несколько совещаний уполномоченных обществ Красного Креста Германии, Австро-Венгрии и России по вопросам содержания военнопленных, решения которых имели лишь рекомендательный характер. Заключительный протокол первой Стокгольмской конференции, состоявшейся в ноябре 1915 г., содержал пожелания об улучшении положения врачей в лагерях и отправке на родину санитарного персонала, не привлеченного к работе по специальности. Отмечалась необходимость обеспечения пленных обмундированием и едой в соответствии с местным климатом и характером работ. Особо была обоснована необходимость создания комитетов пленных, которые бы вели переговоры с лагерной администрацией и осуществляли надзор за распределением материальной помощи⁹.

Через год в столице Швеции состоялась вторая встреча, где обсуждались вопросы содержания и обмена больных и инвалидов. Переговоры об интернировании в Дании и Норвегии затянулись из-за отказа последней принять у себя больных туберкулезом¹⁰. После согласия Швейцарии организовать содержание и лечение 400 больных пленными каждой стороны были определены пересыльные пункты для освидетельствования и отправки солдат и офицеров русской армии (лагеря Альтдамм, Зассниц и Штральзунд-Денгольм). Окончательные соглашения об обмене инвалидами были подписаны лишь в начале марта 1917 г.¹¹

Решения Копенгагенской конференции 1917 г. об обмене гражданских лиц, ограничении репрессий со стороны местных властей и возвращении на родину интернированных в нейтральных странах

9 См.: *Альбат Г.П.* Сборник международных конвенций. С. 33–44.

10 Barch, R 1508/777; BayHSta, Stellv. Bayer. Militaerbevollmaechtiger in Berlin, Nr.35, Reichstagspublikation, 02.03.1917.

11 См.: *Mitze K.* Kriegsgefangenenlager Ingolstadt. S. 316, 327.

Первый запасной полк

Тараса Шевченко

(РГВИА. Ф.2000.Оп.16.Д.2208.Л.317-а)

